

Нормативное определение категории «искусственный интеллект» в гражданском праве Российской Федерации и Республики Таджикистан

Акинфеев Дмитрий Витальевич,

аспирант, ассистент кафедры конституционного и административного права, Института права, ФГБОУ ВО «ВВГУ», ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», Института права, кафедра конституционного и административного права
E-mail: 4.dv7888@ya.ru

Гражданское право насчитывает сотни специальных терминов, являющихся не просто техническими средствами, обеспечивающими возможность действия законодательства, но также являющихся научно-правовыми категориями. Такие термины обеспечивают содержание права, позволяют юридической науке развиваться, облегчают её перетекание из теории в практику. С использованием специальных терминов повышается качество правовых актов и возрастает эффективность правового регулирования в целом. Существует такое понятие как «легальное определение» или «законодательное определение», появляющееся в процессе правотворчества и как правило являющееся в последствии фундаментом восприятия того или иного феномена в системе права, особенно в случае появления нового объекта гражданско-правовых отношений, тако-го как искусственный интеллект. Автором предложен вариант определения понятия «искусственный интеллект» как объекта гражданских правоотношений, для его последующего введения в гражданское законодательство России и Таджикистана. В этой связи, проанализированы некоторые доктринальные позиции, являющиеся сегодня ключевыми в указанной сфере, а также ряд нормативных актов Российской Федерации и Республики Таджикистан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, легальное определение, гражданско-правовое регулирование, цифровое имущество, ChatGP T.

Россия и Таджикистан, в конце прошлого века являвшиеся частями одной страны, сегодня суверенные и самостоятельные государства. После прекращения существования Союза Советских Социалистических Республик, некогда части одного целого, обрели все атрибуты полной внешней независимости, в том числе друг от друга. Полное форматирование устоявшихся организационных основ в прошлом единого государства коснулось в первую очередь правовых систем. Разработка и внедрение абсолютно новых законов свободных от идеологии, дали мощный толчок обоим государствам на пути к демократизации, свободе личности и экономическому развитию.

Между тем, сегодня для правовых систем обоих государств существует вызов, от ответа на который будет зависеть дальнейшая экономическая результативность. Мировая конкуренция за право обладания ресурсами сегодня не является первоочередной проблемой. Тенденции общемировых и региональных рынков показывают, что главная задача для каждого участника глобальных мировых экономических отношений – это развитие высокотехнологичных средств производства и внедрение в технологическую базу разных видов искусственного интеллекта.

Как в России, так и в Таджикистане взят курс на развитие цифровой экономики, имея в виду осуществление хозяйственной деятельности с помощью электронных и цифровых технологий. В том числе, преследуется цель цифровизации государственного управления для снижения уровня бюрократии, уменьшения количества государственных служащих, исключение дублирования разными органами исполнительных функций. Большую роль в указанных процессах может сыграть внедрение искусственного интеллекта в процессы автоматизированного управления финансами, таможенного оформления, налогового администрирования, цифровую идентификацию граждан (в случае использования государственных цифровых сервисов) и многие другие процессы.

На сегодняшний день в Российской Федерации и Республике Таджикистан искусственный интеллект является новым и активно развивающимся инструментом для достижения социально-экономических целей развития государства.

Важность развития технологий искусственного интеллекта и правового регулирования этого процесса официально декларируется в обоих государствах. Так, в Российской Федерации утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», в Респу-

блике Таджикистан принята «Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года».

Гражданское право регулирует имущественные отношения особым методом – на началах равенства, автономии и имущественно-распорядительной самостоятельности субъектов правоотношений. В.Ф. Яковлев считал, что «гражданское право регулирует отношения тем способом, который в полной мере соответствует требованиям товарно-рыночной экономики и демократическим началам жизни общества» [5]. В силу названных утверждений, трудно представить, что в настоящее время какой-либо феномен экономической жизни общества гражданским правом не урегулирован и не охраняем. Между тем, учитывая, что общество является общностью «живой», развивающейся и многополярной, как показано в данном исследовании, на практике периодически встречаются случаи, когда вновь появляющиеся и быстро набирающие популярность в гражданских правоотношениях объекты правоотношений не находят законодательного закрепления, не имеют легального определения, а, следовательно, существуют в полях близких им по свойствам или характеристикам групп объектов или их отдельных видов.

Например, до сегодняшнего дня в России и Таджикистане не поставлена точка в вопросе о гражданско-правовой природе «цифрового имущества». На сегодняшний день в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Таджикистан нет специальной нормы, дающей легальное определение цифровому имуществу и регулирующей вопросы, связанные с владением, пользованием и распоряжением таким имуществом. Между тем, юристами и экономистами часто используются такие понятия как «цифровые права», «цифровое имущество», «цифровые активы» и т.д. При этом, остается не решенным вопрос защиты прав и свобод человека, в том числе в случае нанесения им ущерба вследствие использования цифрового имущества (например, гражданско-правовой ответственности участника правоотношений, связанных с созданием и оборотом цифрового имущества), в то время, как Россией, так и Таджикистаном декларируется необходимость цифровизации экономики. В этой связи приняты нормативно-правовые акты разных уровней, программа «Цифровая экономика Российской Федерации» и «Среднесрочная программа развития цифровой экономики в Республике Таджикистан на 2021–2025 годы».

Стоит отметить, что в соответствии со ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) цифровые права входят в перечень объектов гражданско-правовых отношений, однако, факт закрепления цифровых прав в указанной норме недостаточно раскрывает потенциал самой сути цифрового имущества, тем более, в период, когда государство претендует на развитие цифровой экономики и другие масштабные достижения

в смежных областях. Существующей в ст. 141.1 ГК РФ формулировки «цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам», так же недостаточно для использования возможностей, предоставляемых самой сутью явления «цифрового имущества», являющегося поистине новым и уникальным объектом правоотношений, потенциал которого еще предстоит раскрыть по ходу формирования практики применения, в том числе упомянутых выше норм.

Так, например, Е.А. Суханов считает, что «бездокументарные ценные бумаги» послужили основой для формулировки в действующем законодательстве понятия «цифровые права», а также в целом являлись юридическим прообразом цифрового имущества. Но тут же заключает, что «вещи и имущественные права имеют различный гражданско-правовой режим, с учетом особенностей которого осуществляется их гражданский оборот (включая переход к кредиторам). Поэтому признание того или иного объекта «имуществом» (в том числе путем упоминания о нем в ст. 128 ГК РФ, как это произошло с «цифровыми правами») само по себе ничего не решает и не создает для этого «нового вида имущества» особого гражданско-правового режима, позволяющего автоматически вводить его в гражданский оборот».

С легальным определением «искусственного интеллекта» (далее – ИИ), в случае, как и с приведенным выше понятием «цифрового имущества», также сохраняется гражданско-правовой пробел. Тут стоит отметить, что некоторые исследователи (например, Д.А. Королькова) высказывают мнение, что для сферы гражданского права хватит и существующих в других областях законодательства определений термина «искусственный интеллект», так как они «весьма универсальны и применимы для любой сферы», с чем сложно согласиться в силу нескольких причин [2].

Во-первых, искусственный интеллект является настолько специфическим феноменом (в т.ч. результатом научной деятельности), что может возникнуть проблема толкования терминов из других областей права и перенесения их в область гражданско-правовых отношений. Имея ввиду, что в случае рассмотрения «искусственного интеллекта», как входящего в систему объектов гражданского права элемента, необходимо учитывать, чтобы и легальное гражданско-правовое определение отражало его обладание всеми признаками объекта гражданского права (т.е. дискретностью, имело нормативно гарантированную возможность правового закрепления объекта за субъектом гражданского права, а также было признано объектом права по закону) [6].

Во-вторых, некоторыми авторами допускаются доктринальные позиции о том, что искусственный интеллект в силу специфических свойств и харак-

теристик в ряде случаев может рассматриваться не как объект, а как субъект гражданско-правовых отношений, прежде всего, из-за потенциальной возможности самостоятельного (автономного) решения творческих задач (напр. С.А. Соменков «Искусственный интеллект: от объекта к субъекту?»).

В-третьих, представляется важным, чтобы гражданско-правовое регулирование искусственного интеллекта имело бы умеренное регуляторное воздействие на такой объект, имея в виду, что в случае введения в оборот чрезмерно рамочного (не учитывающего варианты и разновидности технологий искусственного интеллекта) легального определения, в силу движения прогресса, рано или поздно мы столкнемся с тем, что вновь появившиеся технологии искусственного интеллекта не будут подпадать под действие гражданского законодательства, чего допустить нельзя. А, следовательно, необходимо ввести в оборот такое легальное определение, которое бы соответствовало не только актуальному положению вещей, но и перспективам развития искусственного интеллекта [4].

Имеющиеся в российском и в таджикском законодательстве варианты интерпретации феномена «искусственного интеллекта» не соответствуют приведенным выше особенностям. Так как, например, сегодня сложно сказать о том, что все технологии ИИ обладают гражданско-правовой дискретностью, т.е. их качественная, а также физическая и учетная определенность и обособленность от всех других объектов сохраняется, ввиду того, что, например, ChatGPT знакомится с большим набором данных текста из различных источников, таких как книги, веб-тексты, статьи и другие источники из глобальной сети Интернета, следовательно, необходимо сделать выводы, является ли такой чат обособленным объектом гражданского права. Один только вопрос правильной оценки гражданско-правовой дискретности такого явления, как искусственный интеллект (или нейронная сеть ChatGPT) требует отдельного гражданско-правового легального определения, сформулированного с учетом приведенных выше особенностей.

Согласно «Стратегии развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 года» утвержденной Постановлением Правительства Республики Таджикистан № 483 от 30 сентября 2022, «искусственный интеллект» – это система или компьютерное оборудование, которое способно имитировать интеллектуальные и аналитические способности человека для выполнения определенных задач.

«Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года» утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 № 490 в преамбуле разъясняет, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач

результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений».

В Федеральном законе РФ от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ закреплено, что «искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Искусственный интеллект уже сегодня задействован в большом количестве сфер человеческой жизнедеятельности, в том числе и в сфере гражданско-правовых отношений. В предпринимательской среде и бизнес-процессах активно используются чат-боты, банки осуществляют скрининг заемщиков с помощью искусственного интеллекта. Искусственный интеллект анализирует данные, производит предсказательное моделирование, знает языки, генерирует тексты, на платформах с применением технологий искусственного интеллекта работают агрегаторы такси и курьерские службы. Искусственный интеллект интересен и тем, что кроме анализа данных и последующего принятия решений, он способен к самообучению, т.е. некоторые системы могут улучшать работу заданных им в момент создания функций.

Безусловно, настолько серьезный и разноплановый элемент экономической деятельности должен быть четко отрегулирован и охраняем правом. На сегодняшний день в Российской Федерации и Республике Таджикистан возможна коммерциализация результатов научно-технических достижений в области искусственного интеллекта, есть рынки сбыта интеллектуальных продуктов, существует широкое использование информационных технологий и технологий искусственного интеллекта в банковской сфере, бытовом обслуживании, торговле, транспорте и других отраслях.

В сфере развития искусственного интеллекта для экономических целей существует жесткая региональная и международная конкуренция.

По оценке «Яков и партнеры» экономический потенциал России в сфере искусственного интеллекта к 2028 году составит 22–36 трлн руб., в номинальных ценах, а реализованный эффект внедрения технологий искусственного интеллекта в РФ может достигать 4,2–6,9 трлн. руб., что составит эквивалент влияния на ВВП страны до 4% [3].

Основная интегрированность технологий искусственного интеллекта в России не отстает от общемировых трендов и все больше осуществляется в сферах логистики, транспорта, банковско-финансовой отрасли, ритейлинга, производства

потребительских товаров и добывающей промышленности.

В целом, на мировую экономику все более обширное применение искусственного интеллекта влияет значительно, так, по оценкам международных экспертов, потенциал влияния ИИ на экономику составляет 17–26 трлн долл. США в год. Рынок продуктов и сервисов на базе искусственного интеллекта в мире к концу 2023 г. должен составить около 200 млрд. долл. США.

Продолжается рост количества судебных дел, связанных с ИИ-технологиями. В России база судебных решений, где упоминается искусственный интеллект, насчитывает десятки дел, а в США в 2022 году было зарегистрировано 110 судебных дел, связанных с ИИ. Большинство этих дел касалось вопросов, связанных с гражданским правом, интеллектуальной собственностью и договорным правом.

Между тем, в настоящее время в сфере гражданского законодательства Российской Федерации и Республики Таджикистан недостаточно урегулированы вопросы места искусственного интеллекта в системе объектов гражданского права. В гражданском законодательстве обеих стран нет отдельной нормы, раскрывающей понятие программного обеспечения способного выполнять интеллектуальные задачи, а также не указан круг сфер, где могут использоваться такие технологии (например, допустимость использования искусственного интеллекта в процессе оказания медицинской услуги).

Соглашаясь с В.Ф. Яковлевым, относительно того, что «общество – это постоянное столкновение несовпадающих разнонаправленных интересов», еще раз убеждаемся в важности и актуальности введения в оборот легального гражданско-правового определения понятия «искусственный интеллект».

В этой области нужна своего рода «система сдержек и противовесов», имея ввиду, что должно быть учтено соотношение интересов и бизнеса, и граждан и органов государственной власти в вопросах регулирования ИИ, его использования, а также, например, определение авторства результатов его деятельности.

Сфера разработок и применения ИИ, как было сказано выше, достаточно велика. Чем быстрее право откликнется на актуальные изменения в социальной, экономической и научной жизни, чем быстрее начнет четко и взвешенно охранять сферу разработок и работы ИИ, тем скорее начнет формироваться практика применения отвечающих духу времени преобразований. Сфера искусственного интеллекта развивается быстро, без колебательных движений. Правовые системы России, Таджикистана, да и практически всего мира уже достаточно активно работают над формулированием доктрины в отношении ИИ, рационального и безопасного использования таких технологий.

Таковыми авторами, как П.М. Морхат, С.А. Соменковым, Д.А. Корольковой, А.И. Редькиной,

И.В. Понкиной, А. Гурко, Д.В. Бахтеевым и многими другими проводится анализ специфики возможных способов регулирования, как использования технологий ИИ, так и их разработок. Исследуется место ИИ в праве интеллектуальной собственности, этические и этико-правовые основания применения искусственного интеллекта в разных сферах жизнедеятельности. Предлагаются авторские точки зрения на вопросы, связанные с правовым обоснованием способности ИИ выполнять творческие задачи, которые еще некоторое время назад являлись только функционалом человека [1].

Отдельное внимание привлекает вопрос того, что ИИ – это прежде всего кибернетическая вычислительная система, с вычислительными мощностями. Вопрос номер один для сегодняшних разработчиков таких технологий и программного обеспечения – это вопрос как раз вычислительных мощностей. Требуемые сегодня большого количества финансирования проекты, завтра могут оказаться обыденностью в случае выделения государством (или частным сектором) существенных ресурсов для их воплощения. Следовательно, не имея сегодня раздела гражданского законодательства, регулирующего сферу искусственного интеллекта, большие инвестиционные портфели окажутся в зоне риска. Сложно представить, что государство, частные предприятия и физические лица уже сегодня инвестируют в разработку систем искусственного интеллекта, не имеющих даже четкого гражданско-правового определения.

Согласно пункту 1.15 статьи 284 Налогового кодекса Российской Федерации, для юридических лиц в РФ, осуществляющих деятельность в сфере информационных разработок, налоговая ставка по налогу на прибыль в 2022–2024 устанавливалась в размере 0%. Правительство РФ инициировало внесение изменений в налоговое законодательство, по итогам третьего чтения в июле 2024 года принятые Государственной Думой РФ поправки в законодательство установят налоговую ставку для IT-компаний в размере 5%, что в целом также является поддерживающей мерой для IT-отрасли, особенно с учетом того, что ставка для обычных компаний после принятия другого законопроекта, принятого в тот же период рассмотрения, выросла с 20% до 25%.

Правительство РФ принимает решительные и существенные шаги к созданию благоприятных коммерческих условий сектору IT-бизнеса, но чем стремительнее отрасль начнет развиваться, тем сложнее будет начать процесс налаживания правового регулирования, что касается в первую очередь гражданско-правовой сферы, так как стержнем IT-сферы в России являются частные компании, целью деятельности которых является получение прибыли.

В Республике Таджикистан, как и в России, прослеживается отставание гражданско-правового регулирования сферы «искусственного интеллекта» от общегосударственного тренда поддержки развития ИИ. Президентом РТ принято решение

о создании на территории Таджикистана центра по развитию искусственного интеллекта, в рамках специальной программы ООН. Создаются и функционируют IT-парки, в сферу страхования и кредитно-денежных институтов внедряются модели с предсказательным моделированием. В школах РТ вводятся дисциплины, связанные с изучением основ ИИ. В то же время, как и указано выше, на сегодняшний день не существует правовой проработки вопроса с позиций цивилистики.

Ряд специалистов относит термины «искусственный интеллект» и «технологии искусственного интеллекта» к непоименованным объектам авторских прав, как категории программного обеспечения для электронно-вычислительных машин (ст. 1261 ГК РФ). Существует спорный аспект, по мнению специалистов, касающийся того, что не сегодня, но в самом ближайшем будущем системы искусственного интеллекта начнут «самообучаться» не посредством внесения разработчиками улучшений в их работу, как происходит в настоящее время, а полностью автономно, что уже ставит под сомнение подпадание ИИ под регулирование указанной нормой в ближайшем будущем. Даже не ориентируясь на перспективы роста автономности искусственного интеллекта, стоит отметить, что указанная норма не разъясняет положение ИИ, кроме как в вопросе авторского права.

В целом, проблема «свободного полета» искусственного интеллекта между нормами гражданского права сохраняется, и никакая норма не выступает в полной мере гарантией поэтапного вхождения феномена искусственного интеллекта в правовую систему, как в России, так и в Таджикистане.

Какие, например, прокурору производить процессуальные действия, в случае угрозы нарушения прав результатами деятельности какой-либо модели искусственного интеллекта неопределенного круга лиц? Особенно с учетом необходимости определить, когда, кем, каким образом и в каком порядке должно быть инициировано обращение в суд, когда ему следует вступить в процесс, тем более, если процесс уже будет инициирован иными допускаемыми законом субъектами.

Сегодня перед правоохранительной системой существует большое количество вызовов, связанных с развитием IT-технологий, используемых непосредственно людьми. Что же касается перспективы использования в преступных целях технологий искусственного интеллекта, скорее всего, это вопрос времени. Уже сегодня Прокуратура РФ ощущает на себе последствия динамичного развития информационных и цифровых технологий, следствием чего оказывается невысокая раскрываемость преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Так, К.В. Камчатов среди причин низкой раскрываемости таких преступлений выделяет, например, факты, когда преступление совершается лицами находящимися в другом субъекте РФ или даже ином государстве, что затрудняет про-

цесс проведения первоначальных оперативно-розыскных мероприятий, персонализацию лиц, готовящихся к совершению преступления или уже совершивших его [7].

Преступления совершаются с использованием компьютерных программ и программного обеспечения, ресурсов информационной сети Интернет находящихся за пределами юрисдикции России. Так, например, при раскрытии преступлений в сфере цифровой безопасности, для правоохранительных органов представляет сложность использование преступниками почтовых ящиков в доменном сегменте @google.com, @yahoo.com, @aol.com и других, сервера которых полностью находятся на территории Соединенных Штатов Америки.

Можно предположить, что в случае использования для умышленного нарушения законов искусственного интеллекта (в данном случае понимая под ними систему технических комплексов, включающих в себя элементы автоматической обработки информации, вычислений и автоматического управления, главным свойством которой является выполнение задач схожих с задачами, приоритетно выполняемыми человеческим интеллектом), то устранение последствий таких преступлений, их раскрытие и привлечение к ответственности виновных лиц многократно усложнится, даже относительно преступлений совершаемых физическими лицами с применением иных IT-технологий.

Существует точка зрения, что искусственный интеллект вообще не является программой для электронно-вычислительной машины, в обоснование чего, приводятся доводы, что действия ИИ не ограничены совокупностью данных и команд предназначенных для работы ЭВМ. Иначе говоря, утверждается, что ИИ имеет не только программную составляющую, но и включает множество других процессов и связанных сервисов (выше уже был приведен самый элементарный пример такой связи – связь ChatGPT и глобальной сети Интернет). Но тогда ИИ должен быть регулируем ст. 1240 ГК РФ, являясь сложным объектом интеллектуальной собственности. И тут, пожалуй, согласиться с таким подходом допустимо. Однако, внесение технологии ИИ в список сложных объектов интеллектуальной собственности, если и шаг на пути к гражданско-правового регулирования, то самый первый.

Описанное выше представляет серьезные основания к действию уже потому, что количество преступлений, связанных с посягательствами на безопасность в сфере использования информационно-телекоммуникационных технологий, включая атаки на критическую техническую и информационную инфраструктуру РФ, не теряет количественных показателей, а за последние 7 лет возросло примерно в 25 раз.

Стоит отметить несколько особенностей ИИ, которые необходимо учесть при разработке базы гражданско-правового регулирования области ИИ (что наверняка должно быть комплексной работой,

но начинаться с предложения легального определения указанного феномена).

Во-первых, искусственный интеллект – это понятие, несущее в себе большое разнообразие видов обработки и переработки информации.

Во-вторых, в описываемых регулирующих процессах важно соблюсти баланс «сдержек и противовесов». Законодательство должно как соответствовать сегодняшнему дню и злободневным проблемам ИИ, так и учитывать возможность быстрого изменения технологической базы ИИ. В то же время право не должно стать ограничителем для развития искусственного интеллекта, хотя, конечно, в решениях ограничения развития ИИ, в случае принятия таковых, должен превалировать вектор охраны жизни и здоровья человека, безопасности всего общества и основ государственного устройства страны.

В-третьих, необходимо учитывать, что с каждым днем растет вероятность того, что программное обеспечение выполняющее интеллектуальные задачи и прогнозирующее итоги выполнения таких задач человеком, являясь сложным объектом интеллектуальной собственности, может нанести вред любой сфере человеческой жизнедеятельности, например, в случае «программного сбоя». Указанное, необходимо предусмотреть в силу того, что в перспективе возможна постановка вопроса об особом характере наступления гражданско-правовой ответственности.

В вопросе формулировки легального определения искусственного интеллекта надо исходить из того, что гражданское право и способ его регулирования должны в полной мере соответствовать требованиям товарно-рыночной экономики, демократическим началам жизни общества, совокупности отношений людей в процессе производства, распределения, обмена и потребления материальных и нематериальных благ и услуг. В том числе отвечать вызовам макроэкономики, мировым трендам цифровизации экономики, соблюдая баланс интересов всех потенциальных участников правоотношений, связанных с искусственным интеллектом.

В силу изложенного, предлагаем следующее определение искусственного интеллекта, удовлетворяющее потребности определения его гражданско-правовой природы.

Искусственный интеллект (лат. *artificialis intelligentia*) как объект гражданского права, в перспективе законодательного закрепления его в качестве отдельного объекта гражданских правоотношений, можно охарактеризовать, как систему технических комплексов, включающих в себя элементы автоматической обработки информации, вычислений и автоматического управления, главным свойством которой является выполнение задач схожих с задачами, приоритетно выполняемыми человеческим интеллектом (лат. *intelligentia humana*).

Тренд на повышение качества жизни людей и обеспечение информационной безопасности как в России, так и в Таджикистане достижим

только в случае участия в системе классической экономики электронного бизнеса, цифрового государственного управления, информационно-коммуникационных и финансовых технологий, а в ближайшем будущем и искусственного интеллекта.

Гражданско-правовое закрепление термина «искусственный интеллект» обусловлено не только потребностью в совершенствовании правового регулирования, но и, прежде всего, созданием платформы для нового вида гражданских правоотношений, в которых задействован искусственный интеллект.

Литература

1. Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы // Диссертация на соискание учёной степени доктора юридических наук. С. 242–253
2. Королькова Д.А. Искусственный интеллект как объект гражданских прав // Закон и право. № 2/2024 С. 151–155
3. Искусственный интеллект в России – 2023: тренды и перспективы // Яков и партнеры, отчёт консалтинговой компании. С. 3–12.
4. Алексеев С.С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху, 2-е издание // Издательство Норма. С. 77–104.
5. Алексеев С.С., Степанов С.А. Гражданское право: учебник.: Издательство проспект. С. 11–13.
6. Арановский К.В., С.Д. Князев Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений // Монография, Проспект. С. 16–17.
7. Капинус О.С. Актуальные проблемы прокурорской деятельности // Проспект, Курс лекций. С. 23–44.
8. Лаптев В.А., Соловяненко Н.И. Цифровое правосудие // Монография, Проспект. С. 32–50.
9. Громова Е.А. Правовые барьеры и ограничения, препятствующие созданию цифровых инноваций, и способы их преодоления // Право интеллектуальной собственности. № 03/2023. С. 21–25. 2.

NORMATIVE DEFINITION OF THE CATEGORY “ARTIFICIAL INTELLIGENCE” IN THE CIVIL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Akinfeev D.V.
VVSU; Vladivostok State University

Civil law has hundreds of special terms that are not just technical means that ensure the possibility of legislation, but are also scientific and legal categories. Such terms provide the content of law, allow legal science to develop, facilitate its transition from theory to practice. The use of special terms improves the quality of legal acts and increases the effectiveness of legal regulation as a whole. There is such a concept as a “legal definition” or “legislative definition” that appears in the process of lawmaking and, as a rule, subsequently becomes the foundation for the perception of a particular phenome-

non in the legal system, especially in the case of the emergence of a new object of civil law relations, such as artificial intelligence. The author proposes a version of the definition of the concept of “artificial intelligence” as an object of civil legal relations, for its subsequent introduction into the civil legislation of Russia and Tajikistan. In this regard, some doctrinal positions that are key today in this area, as well as a number of regulatory acts of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan are analyzed.

Keywords: artificial intelligence, legal definition, civil law regulation, digital property, ChatGP T.

References

1. Morhat P.M. Legal capacity of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems // Dissertation for the degree of Doctor of Law. P. 242–253
2. Korolkova D.A. Artificial intelligence as an object of civil rights // Law and Right. No. 2/2024 P. 151–155
3. Artificial intelligence in Russia – 2023: trends and prospects // Yakov and partners, report of the consulting company. P. 3–12.
4. Alekseev S.S. The most sacred thing that God has on earth. Immanuel Kant and the problems of law in the modern era, 2nd edition // Norma Publishing House. P. 77–104.
5. Alekseev S.S., Stepanov S.A. Civil law: textbook.: Prospect Publishing House. P. 11–13.
6. Aranovsky K.V., S.D. Knyazev The rule of law and the rule of law in the relationship between signs and meanings // Monograph, Prospect. Pp.16–17.
7. Kapinus O.S. Actual problems of prosecutorial activity // Prospect, Lecture course. Pp. 23–44.
8. Laptev V.A., Solovyanenko N.I. Digital justice // Monograph, Prospect. Pp. 32–50.
9. Gromova E.A. Legal barriers and restrictions that impede the creation of digital innovations, and ways to overcome them // Intellectual Property Law. No. 03/2023. Pp. 21–25. 2.